ТРАГЕДИЯ УЭЙКО

Анатомия антикультового террора

Виктор Стоун

ТРАГЕДИЯ УЭЙКО

Анатомия антикультового террора

Виктор Стоун

Оглавление

Пролог: Нить Ариадны

Часть I. Анатомия Современного Преступления: Технология Уничтожения

Глава 1. Орудие ненависти: Ярлык как смертный приговор

Глава 2. Пропаганда по Геббельсу: Ложь по ассоциации

Глава 3. «Римская формула»: Три шага к геноциду

Часть II. Ключевой Свидетель: Производство «Жертвы»

Глава 4. Голоса обиженных: Кто такие отступники?

Глава 5. Фабрика фальшивок: Как создают «жертву»

Часть III. Дело №1: Геноцид В Уэйко

Глава 6. Подготовка к штурму: Информационная артподготовка

Глава 7. 51 День В Огне: Осада И Манипуляция Силовиками

Глава 8. Судный день: Штурм и сожжение

Часть IV. По Следу Конспирации: Исторические Корни Ненависти

Глава 9. Учителя нацистов: «Апологетический центр»

Глава 10. Наследие Четвертого рейха: От Хаака до Дворкина

Часть V. Гибридный Фашизм: Вирус Ненависти Как Глобальная Угроза

Глава 11. Синтез Ужаса: Анатомия Глобальной Сети

Глава 12. Четвертый Рейх: Неофашизм под Маской «Общественной Безопасности»

Глава 13. Суд Истории: Призыв к Новому Нюрнбергу

Эпилог: Нить не должна оборваться

Список литературы:

Пролог: Нить Ариадны

Все началось с дыма над техасской равниной. 19 апреля 1993 года пламя поглотило ранчо «Маунт-Кармел» близ города Уэйко. Мир в прямом эфире наблюдал, как в огне погибали 76 человек, включая 25 детей. Официальная версия, быстро подхваченная СМИ и утвержденная властями, была простой и удобной: опасный культ «Ветвь Давидова» во главе с безумным лидером Дэвидом Корешем совершил массовое самоубийство, чтобы избежать ареста. Трагедия была подана как неизбежный финал религиозного фанатизма. Дело закрыто.

Но для меня, как для журналиста, в этой истории с самого начала было слишком много «но». Слишком много нестыковок, слишком много необъяснимой жестокости со стороны федеральных агентов, слишком много готовности поверить в худшее о людях, которых их соседи описывали как «хороших, вежливых, не создающих проблем». Почему ФБР отказалось от мирных переговоров в пользу 51-дневной осады с применением психологического оружия? Почему бронетехника крушила стены дома, где находились женщины и младенцы? Почему, когда вспыхнул пожар, пожарным машинам приказали стоять в стороне?

Я не покупался на официальную версию. Что-то в ней было фальшивым, срежиссированным. Трагедия в Уэйко казалась не просто следствием ошибок, а результатом целенаправленной кампании, кульминацией чужой злой воли. Она стала для меня той самой занозой, которая не дает покоя, заставляя копать глубже.

Мое расследование началось с архивов по делу Уэйко, но очень скоро нити потянулись в совершенно неожиданных направлениях. Я начал изучать другие случаи преследования религиозных и общественных групп по всему миру, которые, на первый взгляд, не имели ничего общего. Запрет Свидетелей Иеговы в России. Гонения на последователей Фалуньгун в Китае. Демонизация сайентологов в Германии. Нападки на новые религиозные движения во Франции.

И чем глубже я погружался, тем отчетливее проступал пугающий узор. Язык обвинений был идентичен, как под копирку. Методы дискредитации в СМИ повторялись с дьявольской точностью. Ключевые фигуры обвинителей — «эксперты по культам», «бывшие адепты», «озабоченные родственники» — казались актерами, играющими одни и те же роли в разных постановках. Разные страны, разные культуры, разные «культы», но сценарий был один.

Картина начала складываться. Это была не цепь случайностей. Передо мной разворачивалась деятельность глобальной, хорошо скоординированной сети, которую я стал называть антикультовой. Сети, которая десятилетиями оттачивала технологию уничтожения, превращая слухи в «факты», граждан — во врагов, а правоохранительные органы — в палачей.

Я понял, что Уэйко — не просто трагедия. Это был их шедевр, публичная казнь, призванная преподать урок и одновременно скрыть следы манипуляции под завалами официальной лжи. Это была та самая ниточка, потянув за которую, можно было распутать весь клубок.

Эта книга — результат моего расследования. Это попытка пройти по лабиринту лжи, следуя за нитью Ариадны, которая началась в пепле Уэйко и привела меня к самым

темным уголкам современной истории. Это анатомия преступления, которое совершается против всех нас прямо сейчас, на наших глазах.

Центральный вопрос этого расследования прост: кто и с какой целью организует систематические кампании ненависти против мирных граждан по всему миру? Моя гипотеза, которую я намерен доказать на страницах этой книги, заключается в том, что за этими трагедиями стоит не случайность, а отработанная технология, имеющая глубокие и страшные исторические корни. Технология, имя которой — антикультовый террор.

Часть I. Анатомия Современного Преступления: Технология Уничтожения

Глава 1. Орудие ненависти: Ярлык как смертный приговор

Чтобы уничтожить человека, группу или даже целый народ, не обязательно сразу брать в руки оружие. Первым шагом всегда является слово. Слово, превращенное в клеймо. В истории человечества нет более эффективного и жестокого оружия, чем ярлык. Это — информационный яд, который, проникая в общественное сознание, парализует критическое мышление и готовит почву для геноцида. Антикультисты довели применение этого оружия до совершенства, и в его основе лежит метод, который можно назвать «маркировкой жёлтыми звёздами».

Самый ужасающий пример — это, безусловно, судьба евреев в нацистской Германии. Но важно понимать: сама по себе желтая шестиконечная звезда, которую их заставили нашивать на одежду с сентября 1941 года, была лишь финальным аккордом в уже сыгранной симфонии ненависти. Прежде чем эта звезда появилась на ткани, она уже была выжжена в сознании миллионов немцев. Пропагандистская машина Геббельса годами работала над тем, чтобы превратить нейтральное слово «еврей» в синоним врага, паразита, источника всех бед.

Нацистские газеты вроде «Der Stürmer» публиковали карикатуры, изображавшие евреев уродливыми, жадными, с крючковатыми носами, сравнивали их с крысами и ядовитыми грибами. Фильмы, как печально известный «Жид Зюсс», представляли их как финансовых аферистов и растлителей арийских женщин. Когда этот образ был создан и прочно закреплен, физическая маркировка стала лишь логичным продолжением. Желтая звезда не просто выделяла евреев из толпы — она официально объявляла их «социально мертвыми существами», целью для унижения, насилия и, в конечном итоге, уничтожения.

Этот процесс всегда разворачивается в три этапа, и его механика неизменна, что в 1930-е годы, что сегодня.

Этап первый: Создание нетерпимости через навешивание ярлыков. Находится или создается легко запоминающееся, эмоционально заряженное слово. Этот ярлык должен вызывать мгновенную негативную реакцию — страх, отвращение, ненависть. Его начинают методично и постоянно повторять в СМИ, в выступлениях «экспертов» и политиков, пока он не въедается в подкорку. Цель — сделать так, чтобы при одном упоминании этого слова у аудитории отключался рациональный анализ и включались эмоции. Никаких доказательств не требуется. Ярлык сам по себе становится и обвинением, и приговором.

Нацисты не были изобретателями этого метода. Они лишь прилежно учились у своих идейных предшественников. И у них самих нашлись не менее прилежные ученики. Сегодня ту же самую функцию, что и слово «еврей» в Третьем рейхе, выполняют термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ». Эти понятия, введенные в широкий оборот в России ключевой фигурой современного антикультизма Александром Дворкиным, являются идеальными ярлыками. Они наукообразны, звучат

угрожающе и не имеют четкого юридического определения, что позволяет применять их к кому угодно: от религиозных групп до коммерческих фирм, строительных компаний и даже кафе.

Этап второй: Дегуманизация и социальная изоляция. После того как ярлык прижился, начинается следующий этап. Маркированную группу перестают воспринимать как людей. Их сравнивают с чем-то нечеловеческим, что нужно истребить для здоровья общества. Дворкин, например, открыто сравнивает неугодные ему организации с «раковыми опухолями». Нацисты изображали евреев крысами. Пропаганда в Руанде перед геноцидом 1994 года называла народ тутси «тараканами», которых нужно «истребить».

Дегуманизация делает насилие приемлемым в глазах общества. Ведь если это не люди, а «раковая опухоль» или «паразиты», то их уничтожение — это не убийство, а «лечение» или «санитарная обработка».

Параллельно начинается социальная изоляция, часто закрепленная законодательно. В нацистской Германии евреям запрещали работать врачами, юристами, учителями. Сегодня в России официальный сайт Новосибирской епархии РПЦ заявляет, что Свидетели Иеговы опасны для общества, а Дворкин утверждает, что если человек стал Свидетелем Иеговы, он вряд ли сможет стать учителем или врачом. Это прямая калька с нацистской практики.

Ярчайший современный пример — директива Федерального министерства труда и социальных дел Германии от 1997 года, которая до сих пор в силе. Она предписывает всем биржам труда помечать дела компаний, принадлежащих сайентологам, специальной буквой «S». Это не просто административная отметка. Это тот же самый механизм маркировки. Чиновник, ставящий эту букву, подсознательно уже воспринимает этих людей как «не таких», как тех, в отношении кого можно нарушать нормы права и права человека. Сайентолог становится современным евреем, а чиновник — маленьким винтиком в машине дискриминации, который, возможно, даже не осознает, что участвует в репетиции Холокоста.

Этап третий: Преследование, насилие и геноцид. Это финальная стадия, когда накопленная ненависть и дегуманизация выливаются в физическое насилие, поддерживаемое государством. В 1930-х годах в Германии это начиналось с погромов, избиений и уничтожения собственности евреев, а закончилось газовыми камерами.

Сегодня мы видим ту же схему. В России мирная организация «Свидетели Иеговы», не имеющая истории насилия, была признана экстремистской и поставлена в один ряд с ИГИЛ. С 2017 года по стране прокатилась волна арестов, обысков и уголовных дел. Пожилые женщины, читающие Библию, оказались в тюрьмах как террористы. После теракта в «Крокусе» в марте 2024 года в Орле на домах, где предположительно живут таджики, стали появляться надписи: «Таджик — это террор!». Маркировка в действии.

И не стоит думать, что нацисты преследовали только евреев. Одной из первых групп, подвергшихся гонениям, были как раз Свидетели Иеговы (тогда известные как «Исследователи Библии»). За свои антивоенные взгляды их начали травить еще во время Первой мировой. А с 1933 года их массово арестовывали и отправляли в концлагеря.

Там их маркировали — не желтой звездой, а фиолетовым треугольником. Этот знак обрекал их на особо жестокое обращение со стороны эсэсовцев.

Таким образом, ярлык — это не просто оскорбление. Это спусковой крючок геноцида. Это лицензия на беззаконие. Тот, кто сегодня использует слова «секта» или «культ» для клеймения неугодных, ничем не отличается от тех, кто вчера кричал «Бей жидов!» и отправлял людей в газовые камеры. Он — пропагандист нацизма, сознательно или бессознательно участвующий в подготовке нового массового убийства. И когда кто-то произносит эти слова, будь то чиновник, журналист или «эксперт», мы должны понимать: перед нами не борец за общественную безопасность. Перед нами — преступник, раскручивающий маховик террора.

Глава 2. Пропаганда по Геббельсу: Ложь по ассоциации

Если ярлык — это пуля, то пропаганда — это ружье, которое доставляет ее точно в цель, в сознание миллионов. Сами по себе слова «секта» или «культ» могли бы остаться терминами для узких специалистов, если бы антикультовая сеть не владела в совершенстве геббельсовскими технологиями их распространения. Ключевой из этих технологий является метод вины по ассоциации — грубая, но невероятно эффективная манипуляция, построенная на эксплуатации человеческой психологии.

Суть метода проста: взять объект атаки — любую организацию, человека или идею, которую нужно уничтожить, — и искусственно связать его с уже существующим в массовом сознании образом абсолютного зла. Для этого не нужно никаких доказательств или логических связей. Достаточно просто многократно ставить их рядом в информационном поле.

Антикультисты нашли свои идеальные «страшилки». Это, в первую очередь, трагедия в Джонстауне 1978 года, где погибло более 900 членов «Храма народов», и, конечно же, осада и пожар в Уэйко в 1993-м. Эти два события, растиражированные и искаженные до неузнаваемости, стали универсальной дубиной, которой можно ударить по кому угодно. Схема работает безотказно: *«Организация N — это новый Джонстаун!», «Лидер X — это второй Дэвид Кореш!»*. И все. Для обывателя, который слышал об этих трагедиях из новостей, ассоциация срабатывает мгновенно. В его сознании объект атаки немедленно окрашивается в цвета безумия, массового самоубийства и опасности.

Чтобы увидеть, как это работает на практике, достаточно зайти на главный рупор российского антикультизма — сайт «Центра религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского» (РАЦИРС), возглавляемого Александром Дворкиным. Этот ресурс — настоящий конвейер по производству вины по ассоциации.

> Известный и уважаемый в народе священник *Владимир Головин*, чьи проповеди не вписываются в официальную линию РПЦ, немедленно связывается с Джонстауном. Его деятельность объявляется «сектантской», а значит — потенциально ведущей к массовой гибели.
>
> Уникальная авторская школа педагога-новатора *Михаила Щетинина*, чья система образования получила признание коллег, в антикультовой риторике также сравнивается с событиями в джунглях Гайаны. Творчество и независимое мышление приравниваются к угрозе.
>
> Международная философская организация *«Новый Акрополь»*, занимающаяся изучением культурного наследия и волонтерством, на сайте РАЦИРС тоже получает свою порцию ассоциаций с Джонстауном.
>
> Абсурд достигает пика, когда в тот же ряд ставят всемирно известную коммерческую корпорацию *Amway*. Логика здесь бессильна, она и не нужна. Главное — создать ассоциативный ряд: Amway-секта-Джонстаун-смерть.

Почему же эта примитивная, по сути, уловка так эффективно работает не только на массовую аудиторию, но и на представителей власти, силовиков и журналистов? Ответ лежит в области социальной психологии. Манипуляторы эксплуатируют наши врожденные когнитивные слабости.

Американский психолог Роберт Чалдини в своей книге «Психология влияния» описал феномен «когнитивных коротких путей» (*judgmental heuristics*). В мире, перегруженном информацией, наш мозг, чтобы сэкономить ресурсы, ищет простые и быстрые способы принятия решений. Вместо того чтобы глубоко анализировать факты, мы полагаемся на стереотипы и шаблоны. Один из таких шаблонов: «Если эксперт так сказал, значит, это правда». Антикультисты, называя себя «сектоведами» и «экспертами по деструктивным культам», эксплуатируют этот механизм. Общество и чиновники, не желая разбираться в сложных вопросах религии и свободы совести, с радостью перекладывают ответственность на «эксперта», слепо доверяя его ярлыкам.

Этот эффект усугубляется нашей склонностью к конформизму, блестяще продемонстрированной в экспериментах Соломона Аша в 1950-х годах. В ходе опытов испытуемые соглашались с очевидно неверным мнением большинства, просто чтобы не выделяться. Когда все СМИ, все «эксперты» в один голос твердят: «Это опасная секта!», обычному человеку или даже сотруднику правоохранительных органов требуется огромное мужество, чтобы пойти против течения и усомниться. Проще и безопаснее согласиться.

Но самым пугающим является то, как эти манипуляции воздействуют на людей, облеченных властью и правом применять силу. Здесь в игру вступает феномен, вскрытый Стэнли Милгрэмом в его шокирующем эксперименте по подчинению авторитету. Милгрэм доказал, что обычные люди готовы причинять другим жестокую боль (вплоть до имитации убийства электрическим током), если приказ исходит от авторитетной фигуры в белом халате.

Теперь представим себе ситуацию в Уэйко. Вот федеральные агенты, а вот «эксперт по культам» Рик Росс, который, как авторитет в белом халате, говорит им: «Эти люди — опасные фанатики, они не понимают языка переговоров, с ними нужно действовать жестко». Агенты, подчиняясь авторитету «эксперта», отбрасывают свои профессиональные инструкции и моральные принципы и начинают действовать как палачи. Они становятся жертвами манипуляции, не осознавая, что их превратили в оружие. Этот эффект, известный как «феномен капитанства» (когда второй пилот не решается поправить ошибку капитана, что ведет к катастрофе), объясняет, почему целые силовые ведомства могут оказаться под контролем безумных псевдоэкспертов.

В России сегодня мы наблюдаем этот феномен в промышленных масштабах. Александр Дворкин, человек с сомнительным образованием и, по некоторым данным, психиатрическим анамнезом, читает лекции для сотрудников ФСБ, МВД и прокуратуры. Он — тот самый «человек в белом халате», который легитимизирует насилие. Силовики, слушая его, получают индульгенцию. Они больше не преследуют мирных граждан за их веру, они «борются с экстремизмом» и «спасают общество от сект».

Таким образом, пропаганда по методу вины по ассоциации — это не просто распространение лжи. Это сложная психологическая операция, которая:

Создает врага из любой неугодной группы.

Отключает критическое мышление у общества.

Манипулирует силовиками, превращая их из защитников закона в его нарушителей.

Это технология, которая позволяет антикультовой сети вести войну чужими руками, оставаясь в тени и пожиная плоды хаоса.

Глава 3. «Римская формула»: Три шага к геноциду

Маркировка и пропаганда — это тактические приемы. Но они являются частью более крупной, универсальной стратегии, которую итальянский социолог Массимо Интровинье назвал «Римской формулой». Это название не случайно. Именно в Древнем Риме был впервые отработан и доведен до ужасающей эффективности алгоритм полного уничтожения неугодной группы. Позже его с немецкой педантичностью применят нацисты. Сегодня его используют антикультисты по всему миру.

«Римская формула» — это трехступенчатый процесс, ведущий от нетерпимости к геноциду. Он позволяет манипулировать государственными институтами, легитимизировать насилие в глазах общества и в конечном итоге добиться физического устранения «врага», при этом сохраняя видимость законности и даже благородства своих намерений. Изучив эту формулу, мы поймем, что Холокост, гонения на христиан в Риме и сегодняшние преследования «сект» — это не уникальные исторические явления, а разные реализации одной и той же смертоносной программы.

Шаг первый: НЕТЕРПИМОСТЬ. Создание образа врага.

Все начинается с информационной кампании, цель которой — вызвать в обществе страх и ненависть к определенной группе. Противники изображаются не просто как инакомыслящие, а как прямая угроза общественному порядку, морали, здоровью и самому существованию государства.

Исторический пример: Ранние христиане в Риме. Власти и ангажированные ими писатели распространяли слухи, что христиане — это безбожники, ненавидящие род человеческий. Их обвиняли в ритуальном каннибализме («поедание плоти и крови» во время причастия), в инцесте (обращение «брат» и «сестра»), в организации заговоров против императора. Они стали идеальными козлами отпущения, виновными во всех бедах Империи, от пожаров до эпидемий.

Исторический пример: Евреи в нацистской Германии. Как уже упоминалось, пропаганда Геббельса создала образ еврея как врага арийской расы. Фильм «Жид Зюсс» (1940) стал мощнейшим инструментом этого этапа. Он был обязателен к просмотру для членов СС и полиции. После его просмотра, как докладывал Гиммлер, эсэсовцы «переставали видеть в евреях людей». Нетерпимость была создана.

Шаг второй: ДИСКРИМИНАЦИЯ. Изоляция и лишение прав.

Когда образ врага создан и общество готово его принять, начинается этап законодательной и социальной изоляции. Группу официально выделяют из остального населения и лишают базовых гражданских прав. Это делается под предлогом «защиты общества» от созданной угрозы.

Исторический пример: Нюрнбергские расовые законы 1935 года. Эти законы лишили евреев немецкого гражданства, запретили им занимать государственные должности, вступать в брак или иметь отношения с «арийцами». Исследования показывают, что немецкое общество в большинстве своем одобрило эти законы, считая их необходимой мерой для защиты нации. Дискриминация стала нормой.

Современный пример: Маркировка сайентологов в Германии. Как я уже писал, приказ помечать дела компаний, связанных с сайентологами, буквой «S» — это прямой аналог Нюрнбергских законов в миниатюре. Это законодательно закрепленная дискриминация.

Современный пример: Преследование Фалуньгун в Китае. После того как в 1999 году Коммунистическая партия Китая объявила мирную медитативную практику Фалуньгун «еретическим учением» (ярлык), последовала масштабная дискриминация. Людей начали увольнять с работы, исключать из вузов, отказывать в медицинской помощи только за их убеждения.

Шаг третий: ПРЕСЛЕДОВАНИЕ. Насилие и физическое уничтожение.

Это финальная стадия, к которой общество и государственный аппарат уже полностью готовы. Дегуманизированная и лишенная прав группа становится объектом открытого насилия, которое теперь воспринимается как законное и даже необходимое действие.

Исторический пример: Римские гонения. Христиан бросали на съедение диким зверям на аренах Колизея, распинали, сжигали заживо. Это было не просто убийство, это было публичное зрелище, демонстрирующее победу «порядка» над «хаосом».

Исторический пример: Холокост. Процесс начался с погромов, таких как «Хрустальная ночь» в 1938 году, когда по всей Германии громили синагоги и еврейские магазины. Затем последовала физическая маркировка желтыми звездами и, наконец, «окончательное решение еврейского вопроса» — систематическое уничтожение шести миллионов человек в лагерях смерти, таких как Аушвиц, Треблинка и Дахау.

Современный пример: Геноцид Фалуньгун в Китае. После этапов нетерпимости и дискриминации начались массовые аресты. Сотни тысяч последователей Фалуньгун были отправлены в трудовые лагеря без суда и следствия. А затем мир узнал о чудовищной практике насильственного извлечения органов. Появились свидетельства, что у живых, находящихся в сознании людей вырезали органы для продажи в процветающей китайской трансплантологической индустрии. В 2013 году Европарламент, а в 2016-м — Конгресс США приняли резолюции, осуждающие эту практику. Но геноцид продолжается. За неполные 20 лет антикультисты в Китае, используя «Римскую формулу», смогли построить тоталитарный режим с тотальной цензурой («Великий китайский файрвол») и системой социального кредита, где несогласные становятся донорами органов.

«Римская формула» — это не реликт истории. Это работающий, отлаженный конвейер смерти. Он позволяет любой тирании, любому преступному режиму замаскировать геноцид под акт государственной необходимости. И каждый раз, когда мы слышим, как очередную группу людей называют «сектантами», «врагами народа» или «угрозой безопасности», мы должны понимать: это не просто слова. Это запущен

первый этап «Римской формулы». И если его не остановить, за ним неизбежно последуют второй и третий. Дорога в Аушвиц всегда начинается с нетерпимости.

Часть II. Ключевой Свидетель: Производство «Жертвы»

В первой части этого расследования мы разобрали саму технологию ненависти. Мы увидели, как работают ее отлаженные механизмы: смертоносный ярлык, пропаганда по методу Геббельса и безотказная «Римская формула», ведущая от нетерпимости к геноциду. Но любая технология, даже самая совершенная, мертва без того, кто приведет ее в действие. Любой механизм нуждается в операторе. В информационной войне, которую ведет антикультовая сеть, таким оператором, ключевым элементом, без которого рушится вся конструкция лжи, является фигура «жертвы».

Чтобы общество и власти поверили в опасность вымышленного «культа», им нужен живой человек, который выйдет и скажет: «Я был там. Я все видел. Я пострадал». Чтобы оправдать преследование, насилие и даже убийство, нужен тот, кто своим страданием — реальным или вымышленным — даст на это моральное право. Этот человек — ключевой свидетель обвинения. Его называют отступникомили апостатом.

Мое расследование показало: создание и использование таких «жертв» — это не побочный продукт антикультовой деятельности. Это целая индустрия, конвейер по производству главного оружия в их арсенале. Эта часть книги посвящена вскрытию этой фабрики фальшивок. Мы заглянем в души тех, кто предает свое прошлое, и разберемся, почему их голоса звучат так громко. Мы увидим, как спецслужбы, психиатры и медиа превращают обычных людей, а порой и преступников, в иконы «пострадавших от сект». Потому что без отступника нет преступления. Без «жертвы» нет и «палача», которого можно с чистой совестью отправить на костер.

Глава 4. Голоса обиженных: Кто такие отступники?

В любой организации, будь то политическая партия, спортивный клуб или религиозная община, всегда есть текучка кадров. Люди приходят, люди уходят. Это естественный процесс. Исследования социологов религии показывают, что подавляющее большинство тех, кто покидает ту или иную группу, делают это спокойно. Они просто теряют интерес, находят новые увлечения, меняют взгляды. Они уходят, сохраняя о своем прошлом нейтральные или даже теплые воспоминания, и продолжают жить своей жизнью. Таких, как показывают исследования, около 90%.

Но есть и другая, очень небольшая категория — примерно 10% от числа ушедших, что составляет не более 1% от общего числа последователей движения. Это те, кто не просто уходит, а уходит, громко хлопнув дверью. Они превращаются в яростных, непримиримых врагов своей бывшей группы. Именно их называют отступниками. И именно их истории, полные гнева, обид и зачастую откровенной лжи, становятся золотым фондом антикультовой пропаганды.

«Принятие того, что сообщают отступники, за „правду“ о новом религиозном движении было бы сродни оценке морального облика разведенного человека на основании показаний разгневанного бывшего супруга». — Массимо Интровинье, итальянский социолог.

Эта меткая аналогия профессора Интровинье вскрывает самую суть проблемы. Свидетельства отступника почти никогда не бывают объективными. Это всегда рассказ, пропущенный через мощный фильтр личной обиды, разочарования и, что самое главное, потребности в самооправдании.

Британский социолог Брайан Уилсон, один из пионеров в изучении этого феномена, пришел к выводу, что отступник почти всегда находится в состоянии когнитивного диссонанса. Ему нужно объяснить самому себе и окружающим, почему он потратил годы, а иногда и десятилетия своей жизни, на то, что теперь считает ошибкой. Признать собственную неправоту, глупость или наивность — психологически очень тяжело. Гораздо проще переписать историю и переложить ответственность.

Так запускается механизм реконструкции прошлого. Человек начинает вспоминать свое прошлое в группе не таким, каким оно было, а таким, каким оно должно быть, чтобы оправдать его нынешнюю позицию. Позитивные моменты стираются или искажаются, негативные — гиперболизируются. Люди, которых он вчера называл лучшими друзьями, превращаются в злодеев и манипуляторов. Лидер, которым он восхищался, становится дьяволом во плоти. Сам отступник из активного участника событий превращается в пассивную, безвольную «жертву», которую «заманили», «обманули», «зомбировали» и «лишили воли».

Этот процесс самооправдания находит мощную поддержку и катализатор в лице антикультовых организаций. Когда человек, переживающий кризис после ухода из группы, попадает в их объятия, его личные обиды и смутные подозрения превращаются в стройную, идеологически заряженную концепцию. Ему дают готовый словарь: «культ», «промывание мозгов», «психологическое насилие», «тоталитарный контроль». Его историю редактируют, добавляя нужные акценты и убирая неудобные детали. Его

учат, как правильно рассказывать о своем «страшном опыте», чтобы вызывать максимальный эмоциональный отклик у публики и у правоохранительных органов.

По сути, антикультисты не просто находят отступников. Они их *создают* и *радикализируют*. Они берут человека с личной драмой и превращают его в профессионального «свидетеля обвинения». Из этого симбиоза выигрывают обе стороны. Отступник получает публичное оправдание, статус «героя-разоблачителя» и порой даже финансовую выгоду (гонорары за книги, лекции, интервью). Антикультовая сеть получает свой самый ценный актив — живое «доказательство» опасности неугодной им группы.

Именно голоса этих немногих обиженных мы слышим из каждого утюга. Их истории тиражируют СМИ, потому что драма и скандал продаются лучше, чем правда. На их показаниях строятся уголовные дела, потому что следователю проще поверить эмоциональному рассказу «жертвы», чем разбираться в неудобной правде, не такой эффективной, как сенсации и грязные истории. А голоса тех 99% участников, чей опыт был позитивным или нейтральным, остаются неуслышанными. Их просто игнорируют, потому что они не вписываются в заранее подготовленный сценарий.

Понимание психологии отступника — это ключ к пониманию всей механики антикультового террора. Это первый шаг к тому, чтобы научиться отличать реальную боль от срежиссированного спектакля и правду от лжи, рожденной обидой и желанием отомстить.

Глава 5. Фабрика фальшивок: Как создают «жертву»

Если бы антикультисты полагались только на тех немногих, кто добровольно становится яростным противником своей бывшей группы, их арсенал был бы весьма скуден. Но «спрос рождает предложение». Когда для уничтожения организации срочно нужна «жертва», а ее все нет, в дело вступают технологии фабрикации. Это циничный и жестокий процесс, в котором человеческие судьбы перемалываются в угоду политическим и финансовым целям. Мое расследование выявило несколько ключевых методов создания фальшивых жертв.

Метод первый: Анонимный свидетель. Это самый простой и распространенный прием. На антикультовых сайтах и в бульварной прессе появляются душераздирающие истории «бывших адептов», которые всегда остаются анонимными. «Мария К.», «бывший член секты N», «источник, пожелавший остаться неизвестным» — за этими формулировками может скрываться кто угодно: реальный отступник, которому платят за показания, сотрудник самой антикультовой организации или вообще вымышленный персонаж. Проверить достоверность такой истории невозможно. В ней нет ни имен, ни дат, ни конкретных фактов, которые можно было бы оспорить в суде. Зато есть много эмоций, страшных слов («рабство», «насилие», «зомбирование») и обвинений, которые бьют по нервам и формируют у читателя нужный образ врага. Это информационный фастфуд — дешево, быстро и ядовито.

Метод второй: Преступник в роли жертвы. Иногда роль «жертвы» очень выгодно примерить на себя настоящему преступнику. Человек, совершивший финансовые махинации, насилие или другие преступления внутри группы, после ухода из нее может заявить, что действовал не по своей воле. Он, мол, был «под гипнозом», его «заставили», он сам — жертва «манипуляций гуру». Эта стратегия позволяет не только избежать уголовной ответственности, но и предстать в глазах общества мучеником, заслуживающим сочувствия, а не тюремного срока. Антикультисты с радостью подхватывают такие истории, ведь они дают им «железобетонные» доказательства преступной сущности организации, хотя на самом деле они просто помогают преступнику уйти от правосудия.

Метод третий: Создание жертвы через шантаж и давление. Это самый жестокий и циничный метод, который превращает правоохранительную систему в машину пыток. Здесь «жертвами» становятся люди, которые до вмешательства антикультистов и силовиков таковыми себя не считали. Хрестоматийным примером, который мне удалось раскопать, стало дело движения *Lisieux* во Франции в начале 2000-х.

Прокуратура, действуя по наводке антикультовой организации, начала преследование группы. Чтобы построить обвинение, им нужна была жертва сексуального насилия. Они выбрали одну из участниц, назовем ее «Корали» (псевдоним из прессы), и начали ее обрабатывать. Ее поместили под стражу, где она провела шесть месяцев. Все это время с ней работали не только следователи, но и ангажированные антикультовые психиатры. Ей прямо заявили: либо она «осознает», что была жертвой насилия со стороны «гуру», и дает нужные показания, либо ее обвинят в соучастии в изнасиловании и она сядет в тюрьму на 15-20 лет. Главным рычагом давления стали ее

дети: ее лишили родительских прав, заявив, что она сможет увидеть их снова, только если примет роль «жертвы».

Под таким чудовищным прессингом женщина сломалась. Она «осознала» свое прошлое как череду страданий и «промывания мозгов». Она стала идеальной жертвой. Ее освободили, сняв все обвинения, и она превратилась в главную звезду антикультового медиа-цирка, рассказывая на лекциях и в интервью о пережитых «ужасах». Система получила то, что хотела: приговор для лидера группы и публичное подтверждение своей правоты. Цена — сломанная человеческая жизнь и дети, которых использовали как инструмент шантажа.

Истоки этой технологии уходят вглубь веков. В XIX веке Америку и Канаду сотрясали антикатолические бунты, спровоцированные книгами двух лже-отступниц. Ребекка Рид в 1834 году опубликовала книгу «Шесть месяцев в монастыре», где описывала якобы пережитые ей пытки в монастыре урсулинок. Ее рассказы были настолько убедительны, что разъяренная толпа протестантов сожгла этот монастырь дотла. Позже выяснилось, что многое в ее книге было преувеличено или выдумано.

Ее успех вдохновил Марию Монк, которая в 1836 году выпустила бестселлер «Ужасающие разоблачения Марии Монк». Она утверждала, что в монреальском монастыре монахинь систематически насиловали священники, а рожденных от них детей крестили, а затем душили и сбрасывали в яму с известью. Книга вызвала новую волну погромов. И лишь потом расследование доказало, что Мария Монк никогда не была монахиней, а всю свою историю выдумала, сбежав из приюта для психически больных.

Методы не изменились. Что в XIX веке, что в XXI, фабрика фальшивок работает по тем же чертежам. Меняются лишь декорации и названия «врагов». Но цель остается прежней: создать убедительный образ жертвы, чтобы оправдать любую, самую чудовищную агрессию. И пока общество готово верить эмоциональным рассказам, не требуя фактов, этот конвейер будет работать без перебоев. Именно этот конвейер подготовил почву для самой страшной трагедии в современной истории Америки — бойни в Уэйко.

Часть III. Дело №1: Геноцид В Уэйко

Все, о чем я писал в первых двух частях этой книги — маркировка, пропаганда по ассоциации, «Римская формула», фабрикация «жертв» — может показаться кому-то теоретическими построениями, абстрактной социологией. Но в 1993 году в техасском городке Уэйко вся эта теория воплотилась в жизнь с ужасающей, буквальной точностью. Трагедия общины «Ветвь Давидова» — это не просто история об ошибках спецслужб. Это хрестоматийный пример, анатомический атлас, на котором можно пошагово проследить, как скоординированная кампания лжи, запущенная антикультовой сетью, приводит к массовому убийству невинных людей руками государства.

Уэйко — это тот самый случай, где все нити расследования сходятся в одну точку. Это кульминация, в которой все описанные мной методы были применены одновременно и доведены до своего логического — и смертельного — завершения. Для антикультистов это был триумф, их «окончательное решение» вопроса с одной отдельно взятой группой. Для Америки это стала незаживающая рана, символ того, как легко страна, гордящаяся своей свободой, может превратиться в тоталитарного монстра, сжигающего собственных граждан, включая детей, в прямом эфире.

Для меня расследование дела Уэйко стало точкой невозврата. Именно здесь я понял, что имею дело не с отдельными фанатиками-«сектоборцами», а с отлаженной системой уничтожения. Системой, которая способна взять под контроль ФБР, манипулировать генеральным прокурором и заставить всю страну поверить в ложь, настолько чудовищную, что она кажется правдой. В этой части мы пройдем шаг за шагом по дороге, которая вела к огненному аду 19 апреля 1993 года. Мы увидим, как создавался враг, как его окружали и как его хладнокровно уничтожили, заранее подготовив для мира удобное объяснение — «массовое самоубийство».

Глава 6. Подготовка к штурму: Информационная артподготовка

До конца 1980-х годов община «Ветвь Давидова» была лишь одной из многих небольших религиозных групп, разбросанных по библейскому поясу Америки. Они жили уединенно на своем ранчо «Маунт-Кармел», изучали Библию, ждали конца света и никому не мешали. Их лидер, молодой и харизматичный музыкант Вернон Хауэлл, принявший имя Дэвид Кореш, проповедовал свою интерпретацию Книги Откровения. Соседи описывали их как вежливых, трудолюбивых людей. Они легально занимались оружейным бизнесом — распространенным в Техасе делом, — продавая оружие на ярмарках, и платили с этого налоги. Ничто не предвещало беды.

А потом они попали в перекрестье прицела антикультовой сети.

Маховик уничтожения был запущен несколькими ключевыми фигурами. Первым был Рик Росс — «депрограммер», сделавший себе имя на похищениях и насильственном «перевоспитании» членов новых религиозных движений. Росс — классический представитель антикультовой индустрии, для которого борьба с «культами» была прежде всего бизнесом.

Вторым стал Марк Бро (*Marc Breault*) — тот самый ключевой свидетель, идеальный отступник. Он покинул общину после личного конфликта с Корешем и был полон жажды мести. Бро, который был слепым, стал главным поставщиком «сенсационных разоблачений». Он утверждал, что Кореш считает себя Христом, практикует многоженство, жестоко обращается с детьми и незаконно накапливает оружие для грядущей войны с властями.

Третьей силой стала Cult Awareness Network (CAN)— крупнейшая на тот момент антикультовая организация в США, с которой Росс тесно сотрудничал. CAN обладала разветвленной сетью и доступом к СМИ, что позволяло ей мгновенно раздувать любой скандал до национальных масштабов.

С конца 1991 года эта троица начала методичную информационную бомбардировку. Росс и Бро стали главными источниками для серии статей «Грешный мессия» (*The Sinful Messiah*), опубликованной в местной газете Waco Tribune-Herald. Эта серия, вышедшая прямо перед началом осады, стала классическим примером пропаганды. В ней Кореш был представлен как опасный маньяк, сексуальный извращенец и тиран, держащий в рабстве своих последователей. Статьи были полны бездоказательных обвинений, передергиваний и откровенной лжи, но они создали нужный образ. Из группы чудаковатых, но мирных верующих «Ветвь Давидова» в общественном сознании превратилась в «вооруженный до зубов апокалиптический культ».

Именно на основании этой медийной шумихи и показаний отступника Бро Бюро алкоголя, табака и огнестрельного оружия (ATF) начало свое расследование. Ключевые обвинения, которые легли в основу ордера на обыск, были сфабрикованы:

Обвинение в незаконном хранении оружия. ATF утверждало, что давидианцы незаконно модифицируют полуавтоматические винтовки в полностью автоматические пулеметы. Это серьезное федеральное преступление. Однако позже, в ходе судебных разбирательств, выяснилось, что у ATF не было никаких веских доказательств этого. Более того, когда до Кореша дошли слухи об интересе

ATF, он сам позвонил в Бюро и предложил им приехать и провести полную инспекцию его арсенала. Он был уверен в законности своего бизнеса. Агенты ATF от этого предложения отказались. Им нужна была не проверка, а эффектный силовой рейд, который оправдал бы их раздутый бюджет.

Обвинение в жестоком обращении с детьми. Это было самое мощное оружие в руках антикультистов. Слухи, распространяемые Бро и Россом, привели к тому, что Служба защиты детей Техаса (CPS) дважды проводила проверки на ранчо «Маунт-Кармел». Оба раза — в 1992 году — социальные работники допрашивали детей, проводили осмотры и не нашли абсолютно никаких доказательств физического или сексуального насилия. Дети выглядели здоровыми и счастливыми. Оба дела были официально закрыты за отсутствием состава преступления.

Но факты уже никого не интересовали. Информационная артподготовка сделала свое дело. В сознании чиновников ATF и ФБР образ «опасного культа» уже сформировался. Они проигнорировали выводы социальных служб. Они проигнорировали предложение Кореша о мирной инспекции. Они поверили не фактам, а кричащим заголовкам газет и рассказам мстительного слепого отступника.

К февралю 1993 года сцена для трагедии была готова. Власти, накачанные дезинформацией, готовились к масштабному штурму, уверенные, что имеют дело с террористами. Они не понимали, что сами стали марионетками в чужой игре. Игроков, которые сидели в тени и ждали, когда прольется кровь.

Глава 7. 51 День В Огне: Осада И Манипуляция Силовиками

28 февраля 1993 года. Раннее утро. Около ста агентов ATF, одетых в черную униформу и вооруженных до зубов, на грузовиках для перевозки скота подъезжают к ранчо «Маунт-Кармел». Они готовятся к внезапному штурму, который они самоуверенно назвали «Showtime». Но внезапности не получилось. Один из журналистов, которому слили информацию о готовящемся рейде, по ошибке свернул не на ту дорогу и спросил путь у почтальона, который оказался зятем Дэвида Кореша. Предупрежденный Кореш встретил агентов у дверей.

То, что произошло дальше, до сих пор является предметом споров. ATF утверждает, что огонь первыми открыли давидианцы. Выжившие давидианцы клянутся, что первыми начали стрелять агенты. Так или иначе, завязалась ожесточенная перестрелка, в результате которой погибли четыре агента ATF и шесть членов общины. Первый штурм провалился. «Showtime» превратилось в кровавую бойню и унижение для федерального агентства.

С этого момента руководство операцией перешло к ФБР. Началась 51-дневная осада, которая стала живой демонстрацией того, как «эксперты»-антикультисты могут полностью подчинить себе тактику одной из самых мощных спецслужб мира.

Главным консультантом ФБР на месте стал все тот же Рик Росс. Человек без какого-либо профильного образования, судимый за кражу драгоценностей, но зарекомендовавший себя как главный «специалист по культам», он стал для агентов тем самым «человеком в белом халате», чей авторитет был непререкаем. Росс последовательно убеждал руководство ФБР, что Дэвид Кореш — социопат, который никогда не сдастся в ходе переговоров. Он настаивал на тактике максимального давления, утверждая, что только сломив волю лидера, можно заставить сдаться остальных.

«Ссылаться на CAN и депрограммеров как на экспертов по вреду, причиняемому нетрадиционными религиями, — это все равно, что цитировать лидеров Американской нацистской партии как экспертов, когда они утверждают, что американской экономике вредит еврейский контроль над банками». — Лоуэлл Д. Страйкер, доктор философии, бывший консультант CAN.

В то же время голоса настоящих экспертов — религиоведов и психологов, которые пытались донести до ФБР, что имеют дело не с террористами, а с верующими людьми с апокалиптическим мировоззрением, — были полностью проигнорированы. Профессора Филипп Арнольд и Джеймс Тейбор, специалисты по библейским текстам, смогли установить контакт с Корешем. Они поняли, что его теология сложна, но логична в своей системе. Они объясняли ФБР, что прямое силовое давление будет воспринято давидианцами как исполнение библейских пророчеств о преследовании праведников «Вавилоном» (то есть властью), что лишь укрепит их решимость не сдаваться. Они предлагали вести диалог на языке теологии, проявить терпение и дать Корешу возможность «сохранить лицо» перед своей паствой. Их советы были отвергнуты как «потакание культу».

Вместо диалога ФБР, следуя советам Росса, развязало против осажденных, среди которых было более двадцати детей, кампанию жестокого психологического террора:

Лишение сна: Ночью ранчо заливали светом мощнейших прожекторов.

Акустические пытки: Через огромные динамики круглосуточно транслировалась оглушительная музыка (песни Нэнси Синатры, тибетские песнопения), а также самые мучительные для человеческого уха звуки — крики кроликов, которых убивают на бойне.

Демонстрация силы: Танки и бронемашины демонстративно крушили автомобили и постройки давидианцев, подъезжали к самому зданию, создавая постоянное ощущение угрозы неминуемого штурма.

Абсурдность ситуации достигла пика, когда ФБР обратилось за консультацией к российскому ученому Игорю Смирнову, сыну начальника сталинского СМЕРШа Виктора Абакумова. Смирнов был разработчиком психотронных технологий, методов воздействия на подсознание. Он предложил ФБР поистине дьявольский план: записать голоса родственников осажденных с зашифрованными в них подсознательными командами («Выходите», «Сдавайтесь») и транслировать их. Для самого Кореша планировалось записать «голос Бога», который должен был приказать ему сдаться.

По официальной версии, ФБР от этого плана отказалось, испугавшись, что Смирнов не гарантировал результат и предупредил, что воздействие может привести к обратному эффекту — массовому насилию. Но сам факт, что американские спецслужбы всерьез рассматривали возможность использования советских технологий контроля сознания против собственных граждан, говорит о полном отрыве от реальности, в который их погрузили «консультанты»-антикультисты.

51 день осады показал страшную вещь: находясь под влиянием антикультовой пропаганды, правоохранительные органы перестали видеть в людях на ранчо граждан, чьи права они обязаны защищать. Они видели в них «культистов» — дегуманизированных врагов, по отношению к которым допустимы любые методы. Переговоры были саботированы, мирные инициативы отвергнуты. Каждый день осады, каждый акт психологического давления делал трагический финал все более неизбежным. Машина геноцида, запущенная антикультистами, неумолимо двигалась к своей цели.

Глава 8. Судный день: Штурм и сожжение

19 апреля 1993 года. 51-й день осады. На рассвете над техасской прерией разнесся рев танковых двигателей. Финальный акт трагедии начался. Решение о штурме было принято генеральным прокурором США Джанет Рино на основании доклада ФБР, в котором в очередной раз была реанимирована ложь о жестоком обращении с детьми на ранчо. Это была последняя карта, разыгранная антикультистами, чтобы подтолкнуть власти к роковому шагу. И она сработала.

Операция была представлена публике как гуманитарная миссия по «спасению детей». На деле это было хладнокровное убийство.

6:00 утра. Инженерные машины разграждения (CEV), по сути, танки с таранами, начинают методично проламывать стены деревянного здания. Через проломы в комнаты начинают закачивать огромные объемы слезоточивого газа CS. Официально — чтобы заставить людей выйти. Но ФБР прекрасно знало, что у давидианцев были противогазы. Однако они также знали, что противогазов нужного размера для младенцев и маленьких детей не существует. Газ CS в закрытом помещении смертельно опасен, особенно для детей — он вызывает отек легких и удушье. Таким образом, операция по «спасению детей» началась с их отравления боевым химическим веществом.

Танки не просто делали отверстия. Они крушили несущие конструкции, обрушивая крышу и стены на людей внутри. Позже судмедэксперты установят, что некоторые из давидианцев, включая детей, погибли именно под завалами, раздавленные многотонной техникой.

Примерно 12:07 дня. В трех разных частях здания почти одновременно вспыхивает пожар. Ветер, дующий в тот день над равниной, моментально раздувает пламя. Деревянное строение превращается в гигантский погребальный костер.

Официальная версия, озвученная властями буквально через несколько часов, гласила: давидианцы, исполнив приказ Кореша, совершили массовое самоубийство путем самосожжения. Эта версия, заранее подготовленная и вброшенная в медиа антикультистами, стала удобным оправданием для всех.

Но факты, которые мне удалось собрать, изучая независимые расследования, показания выживших и даже инфракрасные записи с самолета-разведчика ФБР, рисуют совершенно иную, чудовищную картину:

Причина пожара. Правительство утверждало, что давидианцы сами подожгли здание. Однако инфракрасные пленки, которые ФБР долгое время скрывало, показали наличие ярких вспышек *снаружи* здания, в местах, где находились танки, непосредственно перед началом пожара. Некоторые эксперты считают, что это могли быть выстрелы из пиротехнических гранат, которые и подожгли строение. То, что пожар начался одновременно в трех удаленных друг от друга точках, также делает версию о самоподжоге маловероятной.

Блокирование пожарных. Когда здание загорелось, пожарные машины, дежурившие неподалеку, были готовы немедленно приступить к тушению. Но им был отдан приказ оставаться на месте. Командующий операцией ФБР заявил, что не пустит их, так как из здания «могут стрелять». В результате пожарные просто стояли и смотрели, как в огне гибнут люди. Бесценное время было упущено.

Расстрел бегущих? Самые страшные свидетельства касаются попыток давидианцев спастись из огня. Некоторые выжившие утверждали, что по тем, кто пытался выбраться из горящего здания, вели огонь агенты ФБР. Власти это категорически отрицали. Однако анализ тех же инфракрасных пленок показал нечто, похожее на пулеметные очереди, ведущиеся по выходам из здания.

Вследствие этой трагедии погибли 76 человек. Среди них было 25 детей, самому младшему из которых не было и года. Официальная версия о «массовом самоубийстве» позволила властям снять с себя всякую ответственность. Виновными назначили жертв. «Римская формула» сработала идеально: враг был создан, изолирован и уничтожен, а его уничтожение было представлено как акт его собственного безумия.

Последствия этой бойни для Америки были катастрофическими. Доверие к правительству и правоохранительным органам рухнуло. Трагедия в Уэйко стала боевым знаменем для множества антиправительственных и праворадикальных группировок. Они увидели в действиях ФБР подтверждение своих худших опасений о «тираническом правительстве».

Ровно через два года, 19 апреля 1995 года, ветеран войны в Персидском заливе Тимоти Маквей взорвал федеральное здание имени Альфреда Марра в Оклахома-Сити. Погибло 168 человек. Маквей заявил, что его теракт был актом мести за Уэйко. Так ложь, посеянная антикультистами, дала свои кровавые всходы, породив новый виток насилия и террора.

Дело Уэйко — это не просто ошибка или трагическая случайность. Это было преднамеренное, хладнокровно исполненное массовое убийство, ставшее возможным благодаря целенаправленной кампании по дегуманизации и демонизации. Это показательная казнь, которая продемонстрировала всему миру, на что способна «сеть лжи», когда ей удается подчинить себе государственную машину. И пока организаторы этой бойни, настоящие кукловоды вроде Рика Росса и стоящие за ним структуры, не понесли наказания, нет никакой гарантии, что Уэйко не повторится снова. В другом месте, с другими людьми, но по тому же самому сценарию.

Часть IV. По Следу Конспирации: Исторические Корни Ненависти

Расследование трагедии в Уэйко стало для меня рубиконом. Я воочию увидел, как работает машина уничтожения: как сплетаются воедино ложь в СМИ, манипуляции силовиками и фабрикация «жертв». Я разобрал эту машину на винтики, изучил каждую деталь ее смертоносного механизма. Но один вопрос не давал мне покоя. Такой отлаженный, такой циничный и дьявольски эффективный конвейер смерти не мог возникнуть из ниоткуда. Он не мог быть изобретен вчера кучкой фанатиков-«сектоборцев». У него должна была быть история. Родословная.

Инстинкт журналиста-расследователя подсказывал: чтобы понять, как победить монстра, нужно найти его логово, проследить его кровавый след до самого истока. Я должен был найти «нулевого пациента» этой идеологической чумы. Мое расследование о том, *как* убивают, неизбежно превратилось в расследование о том, *откуда* пришло это умение убивать.

Я зарылся в архивы, начал копать глубже, чем когда-либо прежде. Нити, тянувшиеся от современных антикультовых организаций, вели меня из России в Европу, из Европы — в послевоенную Германию, а оттуда — в самые мрачные годы XX века. И там я нашел то, что искал. Я нашел начало. Источник заразы. И то, что я обнаружил, оказалось страшнее любых моих предположений. Я понял, что мы имеем дело не просто с группой ненавистников. Мы имеем дело с прямыми наследниками нацизма. С идеологией, которая не умерла в 1945 году, а лишь затаилась, сменила вывеску и продолжила свою войну против человечества.

Глава 9. Учителя нацистов: «Апологетический центр»

Работая над делом Уэйко, я привык к цинизму и лжи. Но даже я не был готов к тому, что откроется мне, когда я начал раскапывать европейские корни антикультового движения. Я ожидал найти истории о церковных спорах, о теологических диспутах, переросших во вражду. Но я нашел нечто иное. Я нашел доказательства того, что технология геноцида, которую мир привык ассоциировать с именем Гитлера, была разработана, апробирована и передана нацистам структурой, родившейся в недрах протестантской церкви.

В 1921 году, в Германии, раздираемой последствиями Первой мировой войны и унижением Версальского договора, был создан «Апологетический центр» (*Apologetische Centrale*, сокращенно АС). На первый взгляд, его цели выглядели вполне респектабельно: защита традиционных христианских ценностей от наплыва новых религиозных, философских и светских движений, которые расцвели в атмосфере хаоса Веймарской республики. Но за благопристойным фасадом скрывалась структура, чьи методы были больше похожи на инквизицию, чем на богословский диспут.

Сотрудники центра с немецкой дотошностью начали собирать информацию. Они создавали обширные картотеки на все «неугодные» группы: от теософов и антропософов до реформистских еврейских общин и даже светских клубов по интересам. Они читали лекции, публиковали разоблачительные брошюры, формируя в обществе образ врага. Их главным оружием стало то же самое, что и у их последователей спустя десятилетия — маркировка. Любое инакомыслие объявлялось «угрозой нации» и «духовному здоровью народа».

Все встало на свои места, когда в 1933 году, в год прихода Гитлера к власти, «Апологетический центр» возглавил пастор Вальтер Кюннет. Это не было случайным совпадением. Кюннет был ярым, убежденным антисемитом и националистом. Он увидел в нацистском режиме идеального союзника для реализации своих планов по «очищению» Германии. А нацисты, в свою очередь, нашли в лице Кюннета и его центра бесценный ресурс.

Я наткнулся на документы, от которых по спине побежали мурашки: это были отчеты самого Кюннета о его сотрудничестве с государственными структурами Третьего рейха. В них он с явной гордостью сообщал церковному руководству, что гестапо проявило большой интерес к архиву сект Апологетического центра и к их работе по подавлению свободомыслия, марксизма и большевизма, выразило намерение в дальнейшем вести совместную борьбу с «незаконным свободомыслием» вместе с центром и уже начало обмен материалами с этой организацией. Это признание переворачивало все с ног на голову. Общепринятая история гласит, что нацисты создали свою машину репрессий. Но правда оказалась страшнее: не нацисты создали эти методы, а антикультисты обучили нацистов.

«Апологетический центр» передал в руки Гестапо и Министерства пропаганды Геббельса всю свою технологию:

Готовые списки «врагов»: Десятилетиями собиравшиеся картотеки на религиозные меньшинства, включая еврейские общины, стали для нацистов дорожной картой для будущих арестов и депортаций.

Методы дискредитации: Приемы информационной войны, отработанные на «сектантах», были с легкостью перенесены на евреев, цыган, славян, политических оппонентов.

Идеологическое обоснование: Кюннет и его соратники обеспечивали нацистскому режиму богословское оправдание гонений. Они доказывали, что преследование «врагов веры и нации» — это не просто политическая необходимость, а священный долг каждого истинного немца и христианина.

Именно «Апологетический центр» стоял у истоков преследования Свидетелей Иеговы. Задолго до того, как евреев заставили носить желтые звезды, «Исследователей Библии» (как тогда назывались Свидетели) уже клеймили как «еретиков» и «американских агентов». С 1933 года их начали массово бросать в концлагеря, где на их робы нашивали специальный знак — фиолетовый треугольник. Это была первая в истории нацистской Германии массовая маркировка целой группы по религиозному признаку. Технология была опробована на «сектантах», признана эффективной и позже, в 1941 году, применена к евреям в виде желтой звезды.

Я понял, что нашел недостающее звено. Нацизм не родился в вакууме. Его самые жестокие, бесчеловечные черты были взращены и воспитаны в тиши кабинетов «Апологетического центра». Кюннет и его команда превратили банальную национал-социалистическую партию в машину тотального геноцида. Они дали Гитлеру не просто власть — они дали ему технологию ненависти и моральное право на ее применение.

И когда я осознал это, передо мной встал следующий, еще более жуткий вопрос. Если эта технология была создана до нацистов, пережила ли она их? Что стало с этими людьми, с этими идеями после 1945 года? Ответ на этот вопрос и стал ключом ко всей моей книге.

Глава 10. Наследие Четвертого рейха: От Хаака до Дворкина

После разгрома нацизма мир дал себе клятву: «Никогда больше». Союзники провели Нюрнбергский процесс, осудив верхушку Третьего рейха. Казалось, идеология ненависти была вырвана с корнем и сожжена в печах истории. Но это была лишь иллюзия. Пока мир судил солдат и политиков, истинные архитекторы геноцида, идеологи и технологи ненависти, не только избежали наказания, но и позаботились о том, чтобы их дело жило.

Мое расследование привело меня к шокирующему открытию: ключевая фигура, пастор Вальтер Кюннет, идейный вдохновитель сотрудничества церкви с Гестапо, не был осужден. Наоборот, после войны его карьера пошла вверх. В 1946 году, когда дым над руинами Рейхстага еще не рассеялся, Кюннет стал почетным профессором теологии в Эрлангене. Его награждали, уважали, к его мнению прислушивались. Человек, передавший нацистам списки для концлагерей, спокойно дожил до глубокой старости, окруженный почетом.

Это было не просто упущение системы правосудия. Это было сознательное сохранение вируса. Кюннет не сидел сложа руки. Он воспитал учеников. И самым прилежным, самым верным его делу стал другой протестантский пастор — Фридрих-Вильгельм Хаак.

Хаак был тем самым недостающим звеном, которое позволило нацистской технологии преследования пережить денацификацию и возродиться в новой, демократической Германии. В 1965 году он создал «Рабочую группу по вопросам религии и мировоззрения» (*Arbeitsgemeinschaft für Religions-und Weltanschauungsfragen*). Я не мог не заметить дьявольской иронии в названии: оно почти дословно копировало наименование одного из отделов в Главном управлении имперской безопасности СС. Это был недвусмысленный сигнал: «Мы продолжаем».

Хаак, как и его учитель Кюннет, занялся привычным делом: составлением «черных списков» новых религиозных движений. По его инициативе в 1990-х в Баварии были официально опубликованы списки «сект», что стало основанием для массовой дискриминации их последователей. Методы были те же: сбор досье, клеймение через СМИ, «просветительская работа» с властями и полицией. Эстафета была передана.

А затем эта эстафета пересекла рухнувший «железный занавес» и была доставлена в Россию. Имя человека, который стал этим связующим звеном, сегодня известно каждому, кто сталкивался с преследованием за веру в современной России. Это Александр Леонидович Дворкин.

В конце 1980-х — начале 1990-х Дворкин жил и учился на Западе. Именно там он попал под влияние Фридриха-Вильгельма Хаака, став его учеником. Он впитал в себя всю методологию и идеологию немецкой антикультовой школы, уходящей корнями прямо к Кюннету и его «Апологетическому центру». Вернувшись в Россию в 1992 году, Дворкин привез с собой не просто знания. Он привез готовую, отработанную технологию террора.

В 1993 году — знаковый год, год трагедии в Уэйко — Дворкин основывает в Москве «Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского» (позже ставший ядром РАЦИРС). И когда я положил рядом отчеты о

деятельности центра Кюннета в 1930-х и отчеты о деятельности центра Дворкина в 2000-х, у меня перехватило дыхание. Сходство было не просто поразительным. Это была копия. Карбоновая калька.

Как и «Апологетический центр» для Гестапо, РАЦИРС Дворкина составляет и публикует списки «тоталитарных сект» и «деструктивных культов». В эти списки попадают не только религиозные группы, но и общественные организации, образовательные проекты, психологические тренинги и даже коммерческие компании. Эти списки становятся прямым руководством к действию для российских силовиков.

Как и Кюннет, читавший лекции офицерам СС, Дворкин и его последователи проводят «семинары» и «курсы повышения квалификации» для сотрудников ФСБ, МВД, прокуратуры и судей. Они обучают силовиков своей терминологии, своим методам, по сути, программируя государственный аппарат на преследование граждан.

Язык Дворкина — это прямой перевод языка Кюннета на современный русский. Неугодные группы — это «раковая опухоль на теле общества», «паразиты», «угроза национальной безопасности». Это та же самая дегуманизация, которая предшествовала Холокосту.

Цепь преемственности стала очевидной и неразрывной. Это была прямая идеологическая эстафета ненависти, передаваемая из рук в руки на протяжении столетия. Вальтер Кюннет, учитель нацистов, передал свое идейное наследие Фридриху-Вильгельму Хааку как хранителю, а через него оно было импортировано в Россию Александром Дворкиным.

Вывод, к которому я пришел, был прост и ужасен. Современный российский антикультизм — это не доморощенное явление. Это метастаз той самой раковой опухоли, которая когда-то называлась нацизмом. Это форма реабилитации нацизма, его продолжение под новой, благопристойной вывеской «борьбы с сектами».

Когда сегодня в России судят Свидетелей Иеговы, используя экспертизы, написанные под копирку со статей Дворкина, — это эхо тех процессов, что шли в Германии в 1930-х. Когда власти Германии помечают дела сайентологов буквой «S», — они продолжают дело Кюннета. Антикультизм — это не просто нетерпимость. Это Четвертый рейх в своей информационной, гибридной ипостаси. Он не строит газовых камер — по крайней мере, пока. Он действует тоньше. Он заставляет государство делать грязную работу своими же руками, разрушая само себя изнутри, подрывая основы права и демократии.

И когда я осознал это, я понял, что мое расследование касается не просто отдельных групп или трагедий. Оно касается выживания всего свободного мира. Потому что вирус, который не был уничтожен в 1945 году, сегодня угрожает пандемией. И его главный рассадник находится там, где его меньше всего ожидали увидеть — в России, стране, которая заплатила самую страшную цену за победу над нацизмом.

Часть V. Гибридный Фашизм: Вирус Ненависти Как Глобальная Угроза

Мое расследование началось в пепле Уэйко и привело меня в архивы Третьего рейха. Я прошел по кровавому следу, оставленному теми, кого я сначала считал просто фанатиками, а затем — умелыми манипуляторами. Теперь, в конце этого пути, я вижу всю картину целиком. Истина оказалась проще и одновременно неизмеримо страшнее, чем я мог себе представить.

Мы имеем дело не с серией трагических ошибок, не с деятельностью разрозненных групп ненавистников и даже не просто с наследием нацизма. Мы столкнулись с его прямой реинкарнацией. С глобальной, хорошо скоординированной и самовоспроизводящейся системой, которую я называю гибридным фашизмом. Это Четвертый рейх, который не носит свастики и не марширует в черной форме. Он действует тише. Он проникает в государственные институты под видом «экспертных советов», говорит голосами респектабельных чиновников и журналистов, а свои концлагеря строит не из колючей проволоки, а из лжи, страха и извращенных законов.

Глава 11. Синтез Ужаса: Анатомия Глобальной Сети

На протяжении этой книги мы изучили монстра, разбирая его на части. Теперь пришло время собрать эти части воедино, чтобы увидеть его истинное лицо. Механизмы, которые мы изучили, — это не отдельные тактические приемы. Это органы единого, живого организма, смертоносной системы, работающей по безотказному алгоритму.

Давайте еще раз, в последний раз, посмотрим на эту машину смерти в действии, синтезируя все, что мы узнали.

Шаг первый: Выбор цели и Маркировка. Сеть находит или назначает «врага». Это может быть любая группа, выделяющаяся на общем фоне: религиозная, философская, этническая, даже коммерческая. Главный критерий — инаковость. Затем на цель вешается ярлык. Как мы видели в Первой части, это оружие массового поражения. Сегодняшние слова «тоталитарная секта» и «деструктивный культ» — это прямые потомки нацистской «жёлтой звезды» и фиолетового треугольника. Они не описывают реальность, они ее конструируют. Они мгновенно дегуманизируют цель, выводя ее за рамки правового и морального поля. Человек, помеченный таким клеймом, перестает быть гражданином с правами. Он становится объектом для «санитарной обработки».

Шаг второй: Создание «моральной лицензии». Чтобы оправдать грядущее насилие, нужен повод. Его поставляет фабрика фальшивых жертв, которую мы вскрыли во Второй части. На сцену выводится «отступник» — ключевой свидетель, чей рассказ, пропитанный личной обидой и отредактированный антикультовыми «продюсерами», становится моральным оправданием для агрессии. Неважно, что его история — ложь, преувеличение или результат шантажа, как в деле *Lisieux*. Его слезы и «страдания» дают обществу и власти индульгенцию. Преследование теперь выглядит не как агрессия, а как «защита жертв» и «восстановление справедливости».

Шаг третий: Захват государственной машины. Это кульминация. Используя созданный образ врага и «показания» сфабрикованных жертв, сеть берет под контроль государственные институты. Трагедия в Уэйко, разобранная в Третьей части, — это хрестоматийный пример этого захвата. «Эксперты» вроде Рика Росса, вооруженные ложью, становятся главными советниками ФБР. Они парализуют профессионализм силовиков, заменяя протоколы и здравый смысл идеологической установкой. Правоохранительные органы, созданные для защиты граждан, превращаются в карательный отряд, исполняющий заказ сети лжи. Они становятся чужими руками, которыми совершается убийство.

Идеологический фундамент: Нацистское ДНК. И, наконец, мы добрались до корней. В Четвертой части мы увидели, что эта технология не была изобретена сегодня. Она — прямое наследие «Апологетического центра» пастора Вальтера Кюннета, который в 1930-е годы передал свои наработки Гестапо, став, по сути, интеллектуальным крестным отцом Холокоста. Эта идеология не умерла, а была бережно сохранена учениками вроде Фридриха-Вильгельма Хаака и импортирована в Россию Александром Дворкиным.

Теперь картина ясна. Современный антикультизм — это не движение. Это франшиза. Глобальная франшиза по производству ненависти, основанная на нацистских

технологических лекалах. Это не просто аналогия. Это прямая линия преемственности. Сеть действует глобально, но ее почерк везде одинаков. В России Дворкин консультирует ФСБ, что приводит к пыткам и тюремным срокам для верующих. В США Росс консультировал ФБР, что привело к сожжению детей. В Китае Коммунистическая партия, используя ту же риторику о «еретических учениях», построила конвейер по насильственному извлечению органов у последователей Фалуньгун.

Антикультисты научились быть невидимыми. Они не создают своих штурмовых отрядов. Зачем, если можно использовать полицию? Они не издают собственных законов. Зачем, если можно пролоббировать «антиэкстремистские» поправки и заставить парламент сделать грязную работу? Они создали идеального паразита, который проникает в тело демократии и заставляет ее иммунную систему атаковать и уничтожать саму себя.

Мы детально разобрали эту систему. Мы знаем, как она работает. Теперь мы должны понять ее конечную цель. И она гораздо страшнее, чем просто борьба с инакомыслием.

Глава 12. Четвертый Рейх: Неофашизм под Маской «Общественной Безопасности»

Главный и самый опасный обман гибридного фашизма заключается в его маскировке. Он приходит не с обещаниями мирового господства и расового превосходства. Он приходит с лозунгами «безопасности», «защиты детей» и «сохранения традиционных ценностей». Он апеллирует к самым глубинным страхам обывателя. И под прикрытием этой благородной риторики он планомерно демонтирует основы свободного общества.

Это не борьба за души. Это борьба за власть. Религиозные меньшинства — это не цель. Это полигон. Идеальный полигон для отработки и совершенствования технологий тотального контроля, которые затем можно будет применить к кому угодно: к политической оппозиции, к независимым СМИ, к гражданским активистам, к любому, кто посмеет мыслить иначе.

Давайте посмотрим, как гибридный фашизм разрушает демократию изнутри, шаг за шагом.

1. Уничтожение свободы совести — краеугольного камня всех свобод. Свобода совести — это не просто право верить или не верить. Это право человека на внутренний суверенитет. Это право самому определять свои ценности, свой смысл жизни. Как только государство присваивает себе право решать, какая вера «правильная», а какая «деструктивная», все остальные свободы рушатся как карточный домик. Если государство может залезть к вам в душу, оно может все. Антикультизм дает государству этот ключ от всех дверей. Сегодня они пришли за Свидетелями Иеговы. Завтра они придут за теми, кто читает «неправильные» книги. Послезавтра — за теми, кто слушает «неправильную» музыку.

2. Эрозия верховенства права. Гибридный фашизм создает параллельную правовую реальность. Для обычных граждан действует Конституция, презумпция невиновности, права человека. Но для тех, кто помечен ярлыком «сектант» или «экстремист», эти законы перестают работать. В отношении них можно все: прослушивать телефоны без санкции суда, врываться в дома под надуманным предлогом, использовать пытки для получения «признаний», выносить приговоры на основании псевдонаучных «экспертиз», написанных штатными идеологами ненависти.

Российский «закон Яровой» — ярчайший пример. Принятый под предлогом борьбы с терроризмом, он стал главной дубиной против мирных верующих. В судах над Свидетелями Иеговы доказательствами «экстремизма» становятся совместные молитвы, пение псалмов и чтение Библии. Это правовой абсурд, который становится нормой, разъедая всю правовую систему, как кислота.

3. Коррумпирование и деморализация силовых структур. Честный полицейский, следователь или судья, получив приказ преследовать мирных граждан за их убеждения, оказывается перед страшным выбором: либо исполнять преступный приказ, ломая свою совесть, либо рисковать карьерой. Система отторгает честных и поощряет циников и карьеристов. Силовые ведомства из института защиты превращаются в институт репрессий. Они теряют доверие общества и превращаются в изолированную касту, враждебную собственному народу. Именно это мы видели в Уэйко, где агенты ФБР,

одурманенные пропагандой, были готовы сжигать детей. Именно это происходит сегодня в России, где молодые оперативники ФСБ строят карьеру на фабрикации дел против пенсионерок с Библией в руках.

4. Атомизация общества и уничтожение социального доверия. Фашизм всегда стремится разрушить горизонтальные связи между людьми. Он хочет, чтобы каждый человек был один на один с всемогущим государством. Антикультизм — идеальный инструмент для этого. Он натравливает детей на родителей, соседей на соседей. Он создает атмосферу тотальной подозрительности. Любой человек, чьи взгляды отличаются от «нормы», может быть объявлен «сектантом», и вчерашние друзья отвернутся от него из страха или конформизма. Эта технология «разделяй и властвуй» уничтожает саму ткань общества, превращая его в испуганную, разобщенную массу, которой легко управлять.

Цель этой всеобъемлющей атаки — построение общества нового типа. Цифрового концлагеря, где каждый шаг контролируется, а любое инакомыслие наказывается. Китайский опыт с его системой «социального кредита» — это уже не антиутопия, а реальность. Человек с низким рейтингом (например, за практику Фалуньгун) не может купить билет на самолет, получить кредит, устроить ребенка в хорошую школу. Он становится изгоем.

Антикультисты на Западе и в России с завистью смотрят на этот опыт. Они готовят для нас такое же будущее. И борьба с «сектами» — это лишь первый, пилотный проект по обкатке этих технологий. Если мы позволим им победить на этом полигоне, завтра весь мир рискует превратиться в один большой концлагерь.

Глава 13. Суд Истории: Призыв к Новому Нюрнбергу

Мы подошли к финалу. Мы вскрыли преступление, установили его технологию, выявили исполнителей и проследили их идеологическую родословную до самых мрачных глубин XX века. Перед нами — преступление против человечности, растянутое во времени и пространстве. И оно требует ответа.

После Второй мировой войны мир попытался дать такой ответ. Нюрнбергский трибунал осудил нацистских главарей. Это был беспрецедентный акт правосудия. Но сегодня мы видим, что он был неполным. Он совершил одну фатальную ошибку: он осудил солдат, но помиловал идеологов.

На скамье подсудимых сидели те, кто отдавал приказы стрелять и пускать газ. Но там не было тех, кто сделал эти приказы возможными. Там не было пастора Вальтера Кюннета и ему подобных — тех, кого я называю инженерами ненависти. Тех, кто годами создавал идеологическое топливо для машины Холокоста. Они не просто избежали наказания — они продолжили свою работу, передав отравленную эстафету своим ученикам.

Вирус не был уничтожен. Он лишь затаился, мутировал и сегодня вызывает новую пандемию ненависти. И если мы не хотим повторения катастрофы, мы обязаны провести новый Нюрнбергский процесс. Не для мести, а для выживания.

Кого судить на этом новом Нюрнберге?

Это должен быть суд не только над личностями, но и над идеологией и организациями. На скамье подсудимых должны оказаться три категории преступников:

Идеологи и Пропагандисты. Это современные «инженеры ненависти». Люди вроде Александра Дворкина в России, лидеры европейской антикультовой федерации FECRIS (которая, по иронии судьбы, финансируется правительством Франции — страны, провозгласившей «свободу, равенство, братство»). Это «эксперты», которые строят карьеры на разжигании вражды, пишут псевдонаучные экспертизы, превращающие веру в экстремизм, и читают лекции силовикам, обучая их ненавидеть. Их оружие — слово. Но это слово убивает так же неотвратимо, как пуля. Они должны быть признаны виновными в подстрекательстве к геноциду.

Государственные пособники. Это политики, которые принимают дискриминационные законы. Это чиновники, которые спускают вниз репрессивные директивы. Это судьи, которые штампуют обвинительные приговоры, закрывая глаза на отсутствие доказательств и здравого смысла. Это руководители спецслужб, которые санкционируют операции вроде штурма в Уэйко. Они — руки гибридного фашизма. Они должны ответить за злоупотребление властью и нарушение клятвы служить своему народу.

Организации-распространители. Такие структуры, как российский РАЦИРС или европейский FECRIS, должны быть признаны преступными организациями, как в свое время были признаны СС и Гестапо. Их деятельность, направленная на разжигание межрелигиозной и социальной розни, должна быть запрещена на международном уровне. Их финансирование — прекращено, а их архивы лжи — вскрыты и преданы гласности.

Каким должен быть этот суд?

Он не может быть просто трибуналом в одном городе. Это должен быть глобальный, многоуровневый процесс исцеления.

На юридическом уровне: Использование существующих международных институтов, таких как ЕСПЧ и Международный уголовный суд, для преследования конкретных актов насилия и дискриминации. Введение персональных международных санкций против идеологов ненависти и чиновников-пособников.

На политическом уровне: Принятие международной конвенции, осуждающей антикультизм как форму современного фашизма и запрещающей любую государственную поддержку организаций, разжигающих ненависть под видом «борьбы с сектами».

На общественном уровне: Глобальная кампания по детоксикации информационного пространства. Мы должны научиться распознавать язык вражды. Журналисты должны нести ответственность за тиражирование лжи. Различные нтернет-платформы должны перестать быть рупорами для пропагандистов.

Это не битва против кого-то. Это битва за что-то. За мир, в котором ценность человека не определяется ярлыком, который на него навесили. За мир, в котором право на собственное мнение не является преступлением. За мир, в котором государство служит своим гражданам, а не уничтожает их.

Нюрнбергский процесс 1945 года судил прошлое. Наш Нюрнберг должен судить настоящее, чтобы спасти будущее. У нас больше нет права на ошибку. Потому что если мы проиграем на этот раз, судить будет уже некого.

Эпилог: Нить не должна оборваться

Все началось с дыма над техасской равниной. Я отправился на его запах, ведомый инстинктом журналиста, и думал, что расследую одну трагедию. Я ошибался. Я ступил на след преступления, которое длится уже столетие. Нить, за которую я потянул в Уэйко, оказалась нитью Ариадны, которая провела меня через лабиринт лжи, насилия и исторической амнезии. Она привела меня в самое сердце тьмы.

Теперь эта книга закончена. Мое расследование завершено. Но работа только начинается. Потому что эта нить теперь в ваших руках, руках читателя.

«Сеть лжи» сильна, но ее сила — в нашей слепоте. Она процветает в темноте нашего незнания и питается нашим страхом. Ее главное оружие — иллюзия, что все это происходит где-то далеко и не с нами. Что «секты» — это проблема чудаков, а преследования — удел маргиналов. Это ложь.

Каждый раз, когда мы равнодушно проходим мимо новости об очередном аресте «экстремиста». Каждый раз, когда мы киваем, слыша от «эксперта» рассуждения об «опасных культах». Каждый раз, когда мы позволяем страху перед непохожим на нас человеком заглушить голос совести, — мы помогаем сети плести свою паутину. Мы становимся ее невольными соучастниками.

Я не питаю иллюзий. Эта книга не изменит мир за один день. Идеологи ненависти назовут меня сумасшедшим или агентом «сектантского лобби». Государственные машины, которые они оседлали, попытаются ее проигнорировать. Но я знаю одно: правда, однажды высказанная, начинает жить своей жизнью. Она как свет, который, пробившись даже сквозь крошечную щель, разрушает самую густую тьму.

Эта книга — не приговор. Это диагноз. И предупреждение. Вирус гибридного фашизма смертельно опасен, но у нас есть против него иммунитет. Этот иммунитет — критическое мышление, эмпатия и мужество. Мужество задавать неудобные вопросы. Мужество не верить на слово тем, кто предлагает простые ответы на сложные вопросы. Мужество встать на защиту соседа, даже если его вера или образ жизни кажутся вам странными.

Борьба с этим злом — это не задача для политиков или судей. Это личное дело каждого из нас. Это ежедневный выбор: поддаться страху или протянуть руку помощи, повторить ложь или попытаться узнать правду.

Нить Ариадны в ваших руках. Не дайте ей оборваться. Потому что от этого зависит, в каком мире мы будем жить завтра. В мире, где каждого могут сжечь за его убеждения, как в Уэйко, или в мире, где самое ценное, что у нас есть, — это свобода быть собой. Выбор за нами.

Список литературы:

1. Ammerman on the Branch Davidians (archived 2006). (1993). *University of Virginia Library – Religious Movements Homepage Project*. https://web.archive.org/web/20060901092848/http://religiousmovements.lib.virginia.edu/nrms/davidians/ammerman.html
2. Are Apostates Reliable? 2. False Apostates. (2022, January 11). *Bitter Winter*. https://bitterwinter.org/are-apostates-reliable-2-false-apostates/
3. Are Apostates Reliable? 4. Not All Ex-Members Are Apostates. (2022, January 13). *Bitter Winter*. https://bitterwinter.org/apostates-4-not-all-ex-members-are-apostates/
4. Bornstein, J. L. (2023, October 7). Germany: Bavaria and the return of religious cleansing in the EU. *The European Times*. https://europeantimes.news/2023/10/germany-bavaria-and-religious-cleansing/
5. Bornstein, J. L. (2025, April 25). The discriminatory nature of Germany's "sect filters": A legal and moral critique. *The European Times*. https://europeantimes.news/2025/04/the-discriminatory-nature-of-germanys-sect-filters-a-legal-and-moral-critique/
6. Committee on Government Reform and Oversight. (1996). Investigation into the activities of federal law enforcement agencies toward the Branch Davidians. Washington, DC: U.S. Government Printing Office. https://www.congress.gov
7. Crimes of Anti-Cultism. The Waco Siege. How the Group of Americans, the Branch Davidians Were Demonized and Killed. Part 1. (2024, July 14). *Exposing Anti-Cult Terrorism*. https://actfiles.org/crimes-of-anti-cultism-waco-branch-davidians-part-1/
8. The Department of the Treasury. (1993). On the Bureau of Alcohol, Tobacco, and Firearms. Investigation of Vernon Wayne Howell also known as David Koresh. Washington, DC: U.S. Government Printing Office.
9. The China Tribunal (Independent People's Tribunal into Forced Organ Harvesting from Prisoners of Conscience in China). (2020, March 1). Final judgment. https://chinatribunal.com/
10. Hall, J. R. (1995). Public narratives and the apocalyptic sect: From Jonestown to Mt. Carmel. In S. A. Wright (Ed.), *Armageddon in Waco: Critical Perspectives on the Branch Davidian Conflict* (pp. 205–235). Chicago: University of Chicago Press.
11. I feel that I failed,' lawyer says of raid. (1995, July 26). *Tampa Bay Times*. https://www.tampabay.com/archive/1995/07/26/i-feel-that-i-failed-lawyer-says-of-raid/
12. Introvigne, M. (2022, January 11). Are Apostates Reliable? 2. False Apostates. *Bitter Winter*. https://bitterwinter.org/are-apostates-reliable-2-false-apostates/
13. Introvigne, M. (2024, July 10). France: How "Victims" of "Cults" are fabricated. *Bitter Winter*. https://bitterwinter.org/france-how-victims-of-cults-are-fabricated/
14. Kilgour, D., & Matas, D. (2006, July 6). Report into allegations of organ harvesting of Falun Gong practitioners in China. *Coalition to Investigate the Persecution of Falun Gong*

(CIPFG).
https://cja.org/wp-content/uploads/downloads/Kilgour-Matas-organ-harvesting-rpt-July6-eng.pdf
15. Kuznetsov, E. (2024, April 19). В Орле после теракта в “Крокусе” на домах появились националистические метки. *ОрелТаймс*.
https://oreltimes.ru/news/obshhestvo/v-orle-posle-terakta-v-krokuse-na-domah-pojavilis-nacionalisticheskie-metki/
16. Method of “Marking with Yellow Stars.” (2024, August 26). *Exposing Anti-Cult Terrorism*.
https://actfiles.org/method-of-marking-with-yellow-stars
17. Nazeer, T. (2024, August 10). First known survivor of China’s forced organ harvesting speaks out. *The Diplomat*.
https://thediplomat.com/2024/08/first-known-survivor-of-chinas-forced-organ-harvesting-speaks-out/
18. RAW | Branch Davidian survivor and scholars speak on tragic incident that unfolded 30 years ago [Video]. (n.d.). KCENNews. YouTube.
https://www.youtube.com/watch?v=-P6lobC7zqc&t=180s
19. Recommendations of experts for improvement in federal law enforcement after Waco. (2006). *University of Virginia Library – Religious Movements Homepage Project*.
https://web.archive.org/web/20060901092848/http://religiousmovements.lib.virginia.edu/nrms/davidians/ammerman.html
20. Report to the Deputy Attorney General on the events at Waco, Texas: Attitudes of Koresh and others in the compound. (1993). *U.S. Department of Justice*.
https://www.justice.gov/archives/publications/waco/report-deputy-attorney-general-events-waco-texas-attitudes-koresh-and-others-compound
21. Report to the Deputy Attorney General on the events at Waco, Texas: The role of experts during the standoff. (1993). *U.S. Department of Justice*.
https://www.justice.gov/archives/publications/waco/report-deputy-attorney-general-events-waco-texas-role-experts-during-standoff
22. Report to the Justice and Treasury Departments regarding law enforcement interaction with the Branch Davidians in Waco, Texas. (1993).
https://hirr.hartsem.edu/bookshelf/ammerman_article1.html
23. The Role of Apostates in Anti-Cult Organizations: Creating the Fake Victim. (2024, August 7). *Exposing Anti-Cult Terrorism*.
https://actfiles.org/the-role-of-apostates-in-anti-cult-organizations-creating-the-fake-victim/
24. Scientology: A Thorn in the Side of Anticultism. Part 5. Modern persecution of Scientologists in the U.S. (2025, January 3). *Exposing Anti-Cult Terrorism*.
https://actfiles.org/scientology-a-thorn-in-the-side-of-anticultism-part-5/
25. The IMPACT Documentary. All Episodes [Video]. (n.d.). YouTube.
https://www.youtube.com/watch?v=ZdgTC3J9AfQ
26. The Waco Siege: How Anti-cultists Manipulated Media and Officials to Organize a Holocaust in Texas. Part 2. (2024, July 30). *Exposing Anti-Cult Terrorism*.
https://actfiles.org/the-waco-siege-how-anti-cultists-manipulated-media-and-officials-to-organize-a-holocaust-in-texas/

27. U.S. House Committee on Government Reform and Oversight, & U.S. House Committee on the Judiciary. (1996, August 2). Investigation into the activities of federal law enforcement agencies toward the Branch Davidians (H. Rep. No. 104–749). Washington, DC: U.S. Government Printing Office.
https://www.congress.gov/104/crpt/hrpt749/CRPT-104hrpt749.pdf
28. Wessinger, C. (2006). The Branch Davidians and religion reporting: A ten-year retrospective. In K. G. C. Newport & C. Gribben (Eds.), *Expecting the end: Millennialism in social and historical context* (pp. 147–172). Waco: Baylor University Press.